

Ганин Андрей Владиславович,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН,
доктор исторических наук,
e-mail: andrey_ganin@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8602-1990

**«Сидеть в заключении... выше сил человеческих». Выпускники
Военной академии – заключенные Бутырской тюрьмы в 1918–1922 гг.**

Аннотация: статья посвящена условиям пребывания в Бутырской тюрьме выпускников Военной академии в 1918–1922 гг. В основе работы – впервые вводимые в научный оборот документы Московского политического Красного Креста.

Ключевые слова: Бутырская тюрьма, политические репрессии, Гражданская война, офицер.

Andrey V. Ganin,
leading researcher at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Dr. Hab. Hist

**“To be imprisoned... is more than one can stand”. The graduates of Nicholas
Military Academy in Butirskaya prison during the Russian Civil war 1918-1922**

Abstract: the article is devoted to the conditions of stay in Butyrskaya prison of graduates of the Military Academy in 1918-1922. The work is based on the documents of the Moscow political red cross introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Butirskaya prison, political reprisals, Russian Civil war, officer.

В годы Гражданской войны в России Бутырская тюрьма использовалась в том числе как место заключения арестованных Особым отделом ВЧК. Перевод тюрьмы в ведение МЧК произошел по решению Оргбюро ЦК РКП(б) от 25 августа 1919 г.¹⁴⁰ (впрочем, фигуранты дел о контрреволюции сидели там и ранее). В тюрьме содержались многие бывшие офицеры, включая представителей военной элиты – выпускников Военной академии (также они содержались и при Особом отделе ВЧК на Лубянке, 2)¹⁴¹. Материалы архива общественной организации Московский политический Красный Крест (МПКК)¹⁴² дают возможность проанализировать различные вопросы, связанные с пребыванием этих лиц в заключении.

В Бутырской тюрьме в 1918–1922 гг. содержались десятки бывших офицеров-генштабистов. Среди них: Н. А. Бабилов, А. М. Бойко, К. К. Витковский, В. Н. Гатовский, И. И. Гончаренко, А. Е. Гутор, Г. С. Дьяков, К. И. Жихор,

¹⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 42.

¹⁴¹ Подробнее о практике репрессий в отношении генштабистов см.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 461–490.

¹⁴² Подробнее об этой организации см.: Московский Политический Красный Крест. Сб. док. М., 2015; Мухутдинов А. А. Политический Красный Крест. М., 2015; Фролова Е. И. Политический Красный Крест и Советская Россия // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 71–85.

М. М. Загю, А. М. Зайончковский, Е. И. Исаев, В. Н. Клембовский, В. А. Ладыженский, К. К. Литовцев (Шильдбах), В. З. Макшеев, А. К. Малышев, А. П. Медведев, А. И. Мезенцев, А. М. Мочульский, Н. Н. Оболенев, А. П. Перхуров, П. Н. Петрасевич, А. А. Поливанов, А. А. Постников, М. Ф. Раевский, А. П. Ревшин, Н. А. де Роберти, А. С. Ролько, Н. П. Сапожников, В. И. Селивачев, П. К. Семенов, А. Н. Ситников, И. И. Смелов, В. И. Соколов, В. Н. Соколов, В. Е. Стасевич, Н. Н. Стогов, А. Н. Суворов, А. Д. Тарановский, Л. А. Текелин, Г. И. Теодори, А. А. Ткаченко, К. Э. Ухтомский, Г. К. Холومانов, А. Н. Цурпалев, И. М. Чебеняев, И. Л. Шукевич, И. И. Щолоков, В. Ф. Эксе, С. М. Языков и другие. Можно добавить, что в 1919 г. в женском одиночном корпусе содержалась и 29-летняя бывшая супруга знаменитого белого генерала В. О. Каппеля Ольга Сергеевна¹⁴³. Сохранились опросные листы арестованных, собиравшиеся МПКК и позволяющие проанализировать широкий спектр вопросов, связанных с репрессивной политикой и практикой эпохи Гражданской войны в России, в том числе реконструировать особенности пребывания генштабистов в Бутырской тюрьме в 1918–1922 гг.

Если в разгар широкомасштабной Гражданской войны под арестом находились реальные и потенциальные заговорщики и участники подпольных антибольшевистских организаций, то ближе к концу войны, в 1920 г., тюрьму заполнили пленные офицеры из антибольшевистских армий. Попадали под новые аресты и военспецы РККА. В частности, были арестованы некоторые члены Особого совещания при главкоме¹⁴⁴.

Участник подпольного антибольшевистского «Союза защиты родины и свободы» В. Ф. Клементьев, отбывавший наказание в Бутырке, оставил описание тюрьмы тех лет: «Бутырская тюрьма старая, трехэтажная, каменная, корпуса строились в разное время. Должно быть, сначала покоем¹⁴⁵ были выведены три корпуса. В среднем корпусе – широкий вход с тяжелыми железными воротами: в него мог войти большой воз с сеном... Между корпусами небольшой тюремный двор с молодыми тополями, травниками и остатками цветочных клумб. Посередине двора – церковь, большая, каменная, с куполами, увенчанная золотыми крестами. За церковь, в некотором отдалении, позднейшей постройки трехэтажный корпус, тоже каменный, соединяющий концы боковых корпусов... По коридорам днем и ночью ходили дежурные надзиратели (без оружия), время от времени заглядывая в «волчки».

В Бутырской тюрьме камеры закрывались тяжелыми деревянными дверями, а не решетками, как в Таганке. Двери были перехвачены широкими железными полосами...

В тюрьме, кроме камерных корпусов, было четыре башни...

В тюремную баню гоняли два раза в месяц. Но как следует вымыться не давали – не успеваешь раздобыть шайку и заняться грязным бельем, как надзиратели уже гонят одеваться...»¹⁴⁶.

¹⁴³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 162.

¹⁴⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Аресты членов Особого совещания при главнокомандующем в документах Московского Политического Красного Креста // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 64–71.

¹⁴⁵ То есть в виде буквы П.

¹⁴⁶ Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 283–284.

Арестованные офицеры, состоявшие за Особым отделом ВЧК, переводились в Бутырскую тюрьму после пребывания во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК на Лубянке. Затем из Бутырской тюрьмы они могли быть переведены в лагерь. Наиболее опасные содержались в одиночных камерах. Например, в таких условиях содержался бывший генерал Н. Н. Стогов, руководивший военной организацией «Национального центра» в Москве¹⁴⁷. В одиночной строгой камере содержался и другой подпольщик – бывший генерал В. И. Соколов¹⁴⁸.

Основной проблемой для этой категории арестованных являлись длительные сроки заключения, при которых, однако, редко проводились допросы, следственные действия практически не осуществлялись, обвинения не предъявлялись. Например, бывший генерал И. И. Гончаренко был арестован 21 мая 1921 г., трижды допрошен. 4 октября он жаловался, что последний допрос состоялся 5 июля, затем 12 июля последовал перевод в Бутырскую тюрьму, где допросов не велось вовсе¹⁴⁹. Гончаренко вышел на свободу 18 ноября 1921 г. Бывший генерал А. М. Зайончковский, арестованный в октябре 1920 г., не допрашивался с конца ноября 1920 г. по конец июля 1921 г. Бывший подполковник И. М. Чебеняев жаловался в июле 1920 г.: «Несмотря на месячное пребывание под арестом, обвинение еще не предъявлено, и допрос не произведен. Тюремный режим крайне болезненно отзывается на здоровье, подорванном Германской кампанией (последствия контузии). Не имея в Москве родных и близких знакомых, не имею поддержки извне. Прошу о скорейшем расследовании дела»¹⁵⁰.

Офицеры часто не понимали ни своей вины, ни мотивов ареста. Бывший подполковник А. Д. Тарановский писал в МПКК: «Самое главное и для меня тяжелое – это держать меня в полном неведении относительно моего дела. Меня не допрашивают пятый месяц, несмотря на многочисленные мои просьбы, я до сих пор не знаю, за что арестован и в чем меня обвиняют. Я только чувствую, что по отношению меня применяют тягчайшую несправедливость – даже не удостоивают меня ни одним ответом на многочисленные мои просьбы и заявления.

Я умоляю Вашего ходатайства о скорейшем разборе моего дела и если я виноват в чем-нибудь, то прошу предать меня суду, а если не виновен, то скорее освободить. Дальше сидеть в заключении и в таком неведении своего дела выше сил человеческих»¹⁵¹.

Характерно заявление от 11 ноября 1918 г. на имя председателя политического Красного Креста от бывшего капитана А. Н. Цурпалева: «Находясь два месяца (арестован[ан] 12 сентября 1918 г.) в тюремном заключении, мне не предъявлено никакого обвинения. Полагая, что постановление 6го Чрезвычайного Всерос[сийского] съезда советов всецело относится и ко мне и, не имея ни родных, ни знакомых, осмеливаюсь обратиться к Вам с усердной просьбой посодействовать моему скорейшему освобождению из тюремного заключения. В каких [бы] то ни было восстаниях против Советской власти я не участвовал, как равно не состоял и не состою ни в каких политических партиях. 2^х месячное тюремное заключение сильно отразилось на моем здоровье и выразилось в полном истощении организма. Больше выдержки не хватит, лучше уж расстрел! Готовый к услугам А. Цурпалев»¹⁵².

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 252. Л. 79.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 254. Л. 77.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 190. Л. 43.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 269. Л. 44об.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 357. Л. 11–11об.

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 147. Л. 82–83.

Квалификация сотрудников ВЧК первоначально оставляла желать лучшего. По-видимому, в этой связи потенциально нелояльных или совершивших те или иные проступки военспецов в основном изолировали в тюрьме. Такая система, возможно связанная и с большим количеством арестованных, порождала различные казусы. Например, бывший капитан В. Е. Стасевич постановлением Реввоентрибунала Республики от 23 ноября 1919 г. в силу постановления ВЦИК об амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции Стасевич подлежал досрочному освобождению. Однако освобожден не был. 18 февраля 1920 г. супруга арестованного подала заявление с просьбой о применении амнистии к мужу, мотивируя это тем, что другой фигурант того же дела, комиссар, приговоренный к такому же сроку, уже освобожден. Как в итоге выяснилось, об арестованном военспеце забыли, в результате чего он третий месяц после амнистии сидел в тюрьме. Начался розыск, приведший к освобождению Стасевича¹⁵³.

Бытовые просьбы арестованных, как правило, сводились к получению предметов первой необходимости (постельные принадлежности, одеяло, подушка, полотенце, белье, носки, носовой платок, мыло, зубной порошок, щетка, кружка, ложка, чайник, лекарства). Иногда просили прислать продукты: сало, сухари, чай, сахар, какао, вобла, табак, папиросы.

Некоторые просьбы не совсем обычны. Например, пленный белый генерал А. П. Ревшин писал 10 августа 1920 г.: «В виду невозможности заняться чем-либо в общей камере тюрьмы и желая продолжать изучение немецкого языка, прошу ходатайство о переводе меня в один из лагерей для военнопленных»¹⁵⁴. Бывший генерал А. М. Мочульский в заявлении от 16 февраля 1921 г. просил снабдить его книгами, «необходимыми для научной работы и удовлетворения духовных потребностей»¹⁵⁵. Бывший капитан Г. И. Теодори в заключении писал военно-научные труды¹⁵⁶.

Арестованные пытались с помощью Красного Креста сообщить родным о своем местонахождении и положении. Таково, например, обращение бывшего колчаковского генерала И. И. Смелова: «Усердно прошу сообщить моей больной жене, что я здоров и нахожусь в Бутырской тюрьме»¹⁵⁷. Особенно остро переживали ситуацию те, у кого на свободе остались иждивенцы, не имевшие средств к существованию. Так, у В. Е. Стасевича на иждивении оставались отец 79 лет, мачеха 55 лет, жена 33 лет и ее дети 14 и 11 лет¹⁵⁸. Свидания разрешались достаточно редко. Например, бывший полковник М. Ф. Раевский, арестованный 1 марта 1920 г., содержался в одиночном заключении при Особом отделе ВЧК, а в конце ноября 1920 г. был переведен в Бутырскую тюрьму, где пробыл до 19 мая 1921 г., когда выбыл в распоряжение Особого отдела ВЧК. За это время ему было разрешено единственное свидание в декабре 1920 г.¹⁵⁹. Бывшему генералу А. М. Зайончковскому с октября 1920

¹⁵³ Подробнее см.: Ганин А.В. «Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.) // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XI Международной военно-исторической конференции. Сб. науч. статей. СПб., 2018. С. 466–476.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 19.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 333об.

¹⁵⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 40–45.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 164. Л. 28об.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 321. Л. 86.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 71об.

г. по конец июля 1921 г. также дали лишь одно свидание¹⁶⁰. Если никого из родных в Москве не было, оставалось надеяться на помощь Красного Креста. Бывший генерал А. Н. Суворов отмечал: «В Москве [у меня] никого нет. Передач не получаю. Что делается и делается ли в мою пользу, не знаю. Вероятно, никто и ничего»¹⁶¹.

Обращались арестованные и к тем, кто мог облегчить их участь. Например, бывший полковник Н. А. де Роберти написал письма с просьбой о содействии председателю Особого совещания при главнокомандующем бывшему генералу А. А. Брусилову и председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому¹⁶². Бывший генерал Н. П. Сапожников обратился за помощью к председателю Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкому, лично знавшему его по службе¹⁶³. Бывший капитан В. З. Макшеев также обратился к Брусилову, причем в разгар Советско-польской войны аргументировал свою просьбу об ускорении дела желанием «по мере сил принять участие в борьбе с внешним врагом»¹⁶⁴.

В знак протеста против немотивированного заключения в тюрьме некоторые бывшие офицеры объявляли голодовку. Так, военспеца РККА, бывшего капитана А. И. Мезенцева арестовали 29 сентября 1921 г. как бывшего колчаковца при получении справки в Особом отделе ВЧК. Никакого обвинения ему не предъявили. Ранее, в 1920 г., Мезенцев уже арестовывался и отсидел семь месяцев. После нового ареста он пять недель провел в заключении без допроса. До января 1922 г. терпеливо ждал, но затем поставил ультиматум – если до 23 января ему не ответят по поводу дела и перспектив, он объявит голодовку. Поскольку ответа не последовало, 24 января Мезенцев начал голодать¹⁶⁵. 7 февраля 1922 г. его освободили¹⁶⁶.

Не все инциденты заканчивались столь благополучно. Другой голодавший, бывший генерал В. Н. Клембовский, скончался в тюрьме от истощения в июле 1921 г. Заключенный Бутырской тюрьмы В. Ф. Клементьев (впрочем, его свидетельство содержит ряд неточностей) вспоминал о Клембовском: «Чекисты его долго держали в тюрьме без допросов. Генерал объявил голодовку. Явился, хотя и не сразу, полномочный представитель ВЧК. Предложил генералу прекратить голодовку. Клембовский продолжал голодать, кажется, так и умер от голода. Никто ему не помог, никто его делом не заинтересовался»¹⁶⁷.

Заключенные, переводившиеся из других мест, могли поступать в тюрьму в неудовлетворительном состоянии. Так, у бывшего генерала А. П. Перхурова после ареста в 1921 г. диагностировали общее истощение как следствие недоедания после сыпного тифа и цинги, которыми он заболел уже в заключении¹⁶⁸. Перхурова арестовали в мае в Екатеринбурге, а в Бутырскую тюрьму он попал в начале сентября. 21 сентября 1921 г. Перхуров писал: «Находясь в течение 1,5 года в заключении с перерывом в 2,5 месяца, перенеся сыпной тиф, заболев цингой, я совершенно обессилел, т.к. кроме тюремного довольствия ничего не получал. Семья

¹⁶⁰ Центральный государственный архив Московской области. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 229об.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 321. Л. 49об.

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 38–39об.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 321. Л. 96.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 322. Л. 56об.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 118об.

¹⁶⁶ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 180-181.

¹⁶⁷ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве. С. 326.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

и родные находятся в таком положении, что помочь ничем не могут, да и связь с ними не установлена.

На основании изложенных причин обращаюсь с просьбой снабдить меня: 1) Хотя [бы] одной сменой белья, т.к. кроме одетого на мне, ничего не имею; 2) сменой теплого белья, а особенно теплыми портянками или носками и перчатками, т.к. руки и ноги обморожены еще в Японскую кампанию и 3) съестными припасами, могущими поддержать падающие силы; 4) полотенцем и носов. платком; 5) котелком или кастрюлькой для пищи и 6) если возможно, табаком и трубкой»¹⁶⁹.

Болезненное состояние заключенные были склонны приписывать условиям их содержания. Бывший капитан В. В. Трофимов утверждал, что до ареста «был здоров, за время заключения заболел неврастением в сильной степени и малокровием от голодовки»¹⁷⁰. Бывший капитан Г. И. Теодори жаловался на мышечный и суставный ревматизм, отмечал, что «в тюрьме болезнь прогрессирует; начинается острое ослабление зрения и истощение»¹⁷¹. Часть арестованных офицеров оказывалась в тюрьме в немолодом возрасте, что усугубляло их состояние. Бывший генерал Н. А. Бабиков отмечал, что заболел в тюрьме нефритом¹⁷².

Следует отметить, что в условиях разрухи и дефицита жизнь на свободе была подчас немногим лучше тюремной. Показателен случай бывшего капитана А. С. Ролько, который 29 декабря 1921 г. вышел на свободу в крайне тяжелом состоянии. 4 января 1922 г. он писал в Красный Крест: «29 декабря я выпущен из тюрьмы. До сего времени я не устроился, т.к. много формальностей. Угол я имею, но пищу получаю ежедневно – 1/2 фунта хлеба и суп. Это всего лишь раз в день. Я очень ослаблен, и такое питание меня ослабляет. Прошу помочь мне выдачей продуктов на несколько дней»¹⁷³. В результате ему предлагалось выдать сливочное масло, чай и сахар.

В случае болезни можно было лечиться в Московской тюремной больнице на улице Лесной. Например, там находился в 1919 г. бывший генерал А. А. Поливанов, переведенный из Петрограда. Он жаловался в политический Красный Крест 30 декабря 1919 г.: «Наступил уже восьмой месяц моего содержания в заключении, губительно действующем на мое здоровье, как-то усматривается из медиц[инского] свидетельства, приложенного к моему прошению в президиум М.Ч.К. от 29 сентября.

Из этого прошения, препровожденного мною в копии 6 ноября в Политический «Красный Крест» видно, что как до революции, так и после революции, я всегда действовал на пользу народа и потому попадал в немилость царского правительства. По отношению к Советской власти я был лоялен и полагаю, что моими знаниями и опытом в области бюджетной, эконо[мической], железнодор[ожной] и военно-хозяйственной мог бы принести республике пользу.

Столь продолжительное мое заключение в 65-летнем возрасте, лишив меня заработка, облакает на лишения и мою 57-летнюю жену.

Не имея за собой предъявленной мне вины, я полагал, что ко мне будет применен пункт III «Декрета» об амнистии, изданного 5 ноября.

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 60.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

¹⁷¹ Там же. Л. 3.

¹⁷² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 351.

Прошу ходатайства об освобождении меня согласно этого пункта, о возвращении в Петроград и о постановке меня в такие условия, кои исключили бы возможность дальнейшего ко мне недоверия власти. Ал. Поливанов»¹⁷⁴.

В другом заявлении Поливанов отметил: «Пробыв с 31 мая по 12 июля в тюремном подотделе М.Ч.К., я тяжело заболел и был переведен в больницу при Бутырской тюрьме. Здесь моя болезнь определилась как общее истощение, склероз сердца, сопровождающийся припадками и неврастения, и восстановление сил, при лечении идет медленно: 31 мая я вошел в Москву еще бодрым человеком, а теперь, после 4-х месячного заключения, я немощный 65-летний старик.

По всем этим соображениям я прошу об освобождении меня и о возвращении меня в Петроград, на попечение моей жены (детей не имею), которая, оставшись без моего заработка и, будучи слабой 57-летней женщиной, живет там, все более и более впадая в нужду. А. А. Поливанов»¹⁷⁵.

Тюрьма оказалась местом содержания десятков бывших офицеров, что невозможно себе представить до 1917 г. В целом условия содержания в Бутырской тюрьме в то время, видимо, нельзя назвать тяжелыми. По свидетельству В. Ф. Клементьева, «жизнь... кажется, во всей Бутырской тюрьме текла ровно и гладко»¹⁷⁶. По информации секретного отдела ВЧК на начало 1921 г. не все камеры в тюрьме запирались, что приводило к переходам из корпуса в корпус и даже к гуляниям мужчин с женщинами¹⁷⁷. Разумеется, отпечаток на условия тюремной жизни накладывали обстоятельства Гражданской войны. При этом участь арестованных определяли отнюдь не работники тюрьмы.

УДК 343.8

Гнедова Наталья Петровна,
старший научный сотрудник НИЦ-1
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: gnedova.74@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0001-5579-1602

Международное сотрудничество в пенитенциарной сфере как одно из перспективных направлений научных исследований по истории отечественной уголовно-исполнительной системы

Аннотация: на основе документальных и иных источников рассматриваются основные направления международного сотрудничества в России XIX – начала XX века. Делается вывод, что проведение международных тюремных конгрессов как одной из форм совместной работы в значительной степени способствовало решению насущных проблем отечественной пенитенциарной системы.

Ключевые слова: международное сотрудничество, международный тюремный конгресс, пенитенциарная система, научные исследования, история уголовно-исполнительной системы.

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 115об.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 236. Л. 106об.

¹⁷⁶ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве. С. 333.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 6.